

В.В. Орлов

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ПОЛИТИКА СУЛТАНСКОГО ДВОРА И ФРАНЦУЗСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ПРОТЕКТОРАТА В МАРОККО (1912–1956 ГГ.)

В статье рассматриваются теоретические установки и практические принципы политики руководства французского протектората в Марокко в отношении образовательных институтов этой страны. На базе разнообразных источников исследуются взаимоотношения французской администрации с корпусом мусульманских богословов-улама, успехи и неудачи школьного образования в эпоху протектората. Показаны характерные черты и различия в образовательной политике администраций Л.-Ю. Лиотэ (1912–1925) и последующих генеральных резидентов. Особое внимание уделено противостоянию в сфере организации образования между колониальными кругами и султанским двором. Анализируются различные подходы к оценке образовательной политики властей протектората, сложившиеся в отечественной, западной и арабской историографии.

Ключевые слова: Марокко, школьное образование, университеты, алауитский султанат, протекторат, салафизм, модернизация, исламские институты

Установление режима протектората и оккупация европейцами равнинных частей Марокко (1912 г.) привели к воспроизводству традиционной для истории этой страны политико-географической схемы – противостояния равнины, подчиненной центральной власти («земли правительства», араб. *билад ал-махзен*), с одной стороны, и вольных степей, а также горных массивов Рифа и Атласа («земли воли», араб. *билад ас-сиба*) – с другой. Однако это привычное разделение наполнилось новым содержанием. Марокканское общество вынуждено было адаптироваться уже не к традиционным претензиям суверенного шерифского¹ султана на духовный авторитет, сбор налогов и рекрутирование армии, но к владычеству иноверных метрополий².

Владимир Викторович Орлов, доктор исторических наук, доцент кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.

¹ Шериф (араб. *шариф*) – потомок пророка Мухаммада. Династия Алауитов, правящая в Марокко с 30-х г. XVII в., является шерифской.

² Наряду с Францией права державы-протектора в Марокко получила Испания, под управлением которой в 1912–1956 гг. находилась северная часть страны и ряд приатлантических сахарских территорий на юго-западе.

Первым генеральным резидентом (*ал-муким ал-'амм, résident général*) Франции в Марокко был назначен генерал (впоследствии маршал Франции) Луи-Юбер Лиотэ – опытный военачальник и колониальный администратор, по праву считающийся «строителем» французского протектората¹. Этот аристократ и, как сформулировал Р. Ле Турно, «эстет, влюбленный в старое Марокко»², в своей работе руководствовался подходами французского Колониального союза. «Туземная политика, – цитировал он генерального секретаря союза Ж. Шеле, – исходит из того принципа, что любой народ дорожит своими обычаями, хороши они или дурны, и что наши обычаи, пусть даже они лучше, покажутся ему отвратительными, если ему станут их навязывать»³. Поэтому генеральный резидент ставил своими целями политику ассоциации (*politique d'association*), воспитание союзников из местных элит, а также «модернизацию сверху», не столько разрушающую местные традиционные институты, сколько подчиняющую их контролю резиденции.

Уже с первых лет протектората исламские институты Марокко оказались заложниками политики Франции в сфере образования. Обращаясь к этому аспекту проблемы, стоит заметить, что Лиотэ дружелюбно относился к мусульманской учености, признавал права и привилегии *алимов*⁴, восхищался арабской поэзией и восхвалял самобытность «марокканского гения». В то же время генеральный резидент признавал, что школьное образование – это «решающий фактор французского господства», и видел в марокканской школе инструмент «колонизации умов»⁵. Существенной задачей школьной политики Франции в Марокко было удержание социокультурной дистанции между европейскими колонистами и населением. Эта дистанция, как суммировал французский историк Д. Риве, имела целью «стабилизировать существовавшее соотношение классов»⁶. Иными словами, проект «туземной школы», с

¹ Деятельность Л.-Ю. Лиотэ в качестве образца колониального управления неоднократно анализировалась современниками и европейскими историографами. См.: *Catroux G. Lyautey le Marocain*. P., 1952; *Maurois A. Lyautey*. P., 1931; *Rivet D. Lyautey et l'institution du Protectorat français au Maroc (1912–1926)*. Vol. 1–3. P., 1988; *Venier P. Lyautey et l'idée de protectorat de 1894 à 1902: genèse d'une doctrine coloniale // Revue française d'histoire d'Outre-Mer*. P., 1991. Vol. 78. № 293.

² *Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane, 1920–1961*. P., 1962. P. 173.

³ *Lyautey H. Paroles d'action. Madagascar, Sud-Oranais, Oran, Maroc (1900–1926)*. Pref. de L. Barthou. 2me éd. P., 1938. P. 459.

⁴ *Алим*, мн. *улама* (араб. *знаток, ученый*) – богослов, традиционалист, законовед, ученый муж мусульманской общины.

⁵ *Lyautey H. Paroles d'action*, p. 108; *Максименко В. И. Интеллигенция в странах Магриба (идеи и тенденции)*. М., 1980. С. 10.

⁶ *Rivet D. Ecole et colonisation au Maroc: la politique de Lyautey au début des années 20 // Cahiers d'histoire*. P., 1976. № 1–2. P. 197.

одной стороны, сохранял традиционные межгрупповые барьеры, когда новое поколение мусульманской верхушки было всем обязано колонизации, но сохранило родоплеменную или шерифскую замкнутость. С другой стороны, это была, по сути, компрадорская школа, так или иначе призванная притормозить социальный рост марокканской молодежи.

Исходя из поставленных задач, французы открывали в шерифском государстве два типа «европейских школ». Для рядовых марокканцев были предназначены бесплатные начальные школы, которые снабжали учеников элементарными познаниями в ремесле и агрономии. Для детей *ка'идов*, *мурабитов*¹, представителей шерифских семей и торгово-ремесленных верхов в 1916 г. были созданы платные «школы детей знати» (*Écoles des Fils des Notables*), в которые претенденты поступали после проверки их происхождения. Эти учреждения давали общее образование высшей ступени, и их воспитанники получали диплом о начальном мусульманском образовании. Лучшие ученики могли поступить в закрытые средние школы – мусульманские коллежи (*Collèges Musulmans*) «Мулай Идрис» в Фесе (основан в 1914 г.) и «Мулай Йусуф» в Рабате (основан в 1916 г.)². Задача этих заведений была политической: создать «проявление союза туземной массы и французов»³ и воспитать лояльную группу образованных адептов колониальной модернизации (или, как писал Лиотэ, ее «интеллектуальную элиту»)⁴.

Примечательно то, что количественные измерения современного колониального образования в Марокко к концу «эпохи Лиотэ» оказались скромны: так, первоначально были открыты всего две «школы детей знати» в Фесе и Рабате, а к 1921 г. еще три – в Касабланке, Сале и Марраке-

¹ *Ka'id* (араб. вождь, руководитель) – племенной лидер, ответственный перед султанскими и европейскими властями за положение дел в округе. *Мурабит* (искаж. франц. *марабут*) – неформально почитаемый рядовыми мусульманами религиозный деятель, своеобразный аналог местного святого в христианской традиции (с той разницей, что в исламе отсутствует институт церкви, а значит, понятие «канонизации» могло строиться только на народном согласии).

² *Hassan II. The Challenge. The Memoirs of King Hassan II of Morocco / Transl. A. Rhodes. L., 1978. P. 26.*

³ *Benhlal M. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. P., 2005. P. 43.*

⁴ *Lyautey H. Paroles d'action, p. 467.* Неудивительно, что по-арабски в них преподавались только основы литературного арабского языка и религиозные предметы, зато все элементы европейского образования преподавались на языке метрополии и упор делался на то, чтобы выпускники свободно владели французским языком. См. *Halstead J. P. Rebirth of a Nation: the Origins and Rise of Moroccan Nationalism, 1912–1944. Cambridge (Mass.), 1967. P. 105–106; Rivet D. Lyautey et l'institution du Protectorat. T. 2. P. 242–243.* Тем же целям служили широко представленные в программе мусульманских коллежей основы администрирования и делопроизводства. См. *Pennell C. R. Morocco since 1830. A History. L., 2000. P. 177.*

ше¹, при этом в 1917 г. в них обучался всего 381 ученик, а в 1925 г. – 505 учеников². Среднее образование в мусульманских колледжах и других учебных заведениях к 1930/31 уч. г. давалось всего 1 тыс. 618 марокканским ученикам³. Объяснить столь малые достижения возможно тем, что задачей колониального образования было поддержание структурной стабильности общества, а не создание «социальных лифтов». К тому же потенциал «европейских школ» ограничивался как самой резиденцией (которая опасалась давать образование значительному числу марокканцев), так и почвенническими настроениями общества (многие отнюдь не желали отдавать детей в обучение иноверцам).

Рассматривая исламскую и образовательную политику Франции в Марокко, нельзя не обратить внимание и на такую черту колониального просвещения, как этническая сегрегация. Школы в берберских племенах ориентировались на «разделенное общество под общим колониальным управлением»⁴ и в целом копировали просветительский курс французов в отношении арабов. Колонизаторы в 1918 г. основали военное училище Дар ал-Байда (г. Мекнес) для юношей из видных берберских семей, с 1923 г. развернули сеть франко-берберских школ, а в 1927 г. открыли Берберский коллеж (Collège Berbère) в Азру, готовивший своих воспитанников к карьере учителя франко-берберской школы или колониального чиновника среднего ранга⁵. Все эти учебные заведения препятствовали воспроизводству исламской грамотности и так или иначе оживляли начатки берберского сепаратизма.

На фоне, как писал Ж. Берк, «создания национального заповедника»⁶ в колониальной школе неровно и противоречиво складывались взаимоотношения администрации протектората и фесского духовного университета ал-Каравийин. Еще в 1910-х гг. традиционная система преподавания в университете вступила в полосу глубокого кризиса. В самом же преподавании законоведения в начале XX в. наставники и студенты обращали все меньше внимания на первоисточники маликитского *мазха-*

¹ *Benhlal M.* Le collège d'Azrou. P. 43.

² *Rivet D.* Ecole et colonisation au Maroc. P. 178.

³ *Eickelman D. F.* Knowledge and Power in Morocco. Princeton, 1985. P. 91. Впрочем, немного было и «народных» начальных школ для марокканцев: в 1917 г. их насчитывалось 58, а общая численность их воспитанников в 1913 г. составляла 584 ученика, в 1921 г. – 3404, в 1925 г. – 5280. См. *Rivet D.* Ecole et colonisation au Maroc. P. 178.

⁴ *Сапронова М. А.* Этнический фактор в странах Магриба (Марокко, Тунис, Алжир) // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2008. С. 92.

⁵ *Видясова М. Ф., Орлов В. В.* Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М., 2008. С. 247; *Halstead J. P.* Rebirth of a Nation. P. 72–73.

⁶ Цит. по: *Benhlal M.* Le collège d'Azrou. P. 13.

ба¹ (в первую очередь «ал-Мудаввану»²) и сосредоточивались на практических компендиумах наподобие «Мухтасара» Сиди Халила³.

Попытки реорганизации ведущих мусульманских университетов страны – ал-Каравийин и ал-Йусуфийи (ал-Кутубийи) начались вскоре после восшествия на престол султана Мулай Йусуфа (1912 г.). В 1913 г. султан создал в ал-Каравийин специальный Совет по усовершенствованию (*ал-Маджлис ат-тахсини*) под руководством профессора Ахмада ибн ал-Хаййата, а в 1914 г. в генеральной резиденции и в махзене было подготовлено два проекта преобразований в ал-Каравийин. «Проект резиденции» подготовил видный востоковед и глава резидентского управления внутренних дел Ж. Марсэ. Он ставил целью улучшить финансирование университета и организовать избрание Ученого совета, управляющего университетскими делами⁴. Но проект Марсэ не вышел за пределы стадии разработки. «Махзенский проект» реформ в ал-Каравийин разработал выдающийся богослов, законовед и сановник Мухаммад ибн ал-Хасан ал-Хаджви (1874–1956). Этот проект предусматривал принятие Основного устава ал-Каравийин, который бы регламентировал организационные и учебные дела университета, и также был отложен до лучших времен. Единственное, чего смог добиться ал-Хаджви, – это передачи в его ведение министерства исламского образования (1915 г.) и создания Высшего совета по туземному образованию в составе великого вазира, министра юстиции, мусульманских духовных лиц и французских чиновников (1916 г.)⁵. Новые попытки махзена пересмотреть систему преподавания (1919 г.) также окончились неудачей. В своем труде «Ал-Фикр ас-сами» алим-реформатор обвинял в подрыве успеха его стараний «тех, кто был лично заинтересован» в его дискреди-

¹ *Мазхаб* (араб. – путь) – богословско-правовая школа в исламе. Среди мусульман Магриба абсолютно преобладал и преобладает маликитский мазхаб.

² «Ал-Мудаввана» – наиболее известная и авторитетная редакция основополагающего труда «Ал-Мувагга'а», принадлежащего эпониму маликитского мазхаба Малику ибн Анасу (713–795). Этот труд представляет собой свод рассказов о жизни пророка Мухаммада (*хадисов*), высказывания и решения его сподвижников, сгруппированные по правовым темам.

³ *Ал-‘Аййади, Мухаммад*. Даур джами' ал-Каравийин фи таквин аш-шахсий ас-сакафийа ал-магрибийя ат-таклидийа (Роль университета ал-Каравийин в складывании традиционного марокканского культурного самоотождествления) // Махаттат фи та'рих ал-Магриб ал-фикри ва-л-дини (Веки интеллектуальной и духовной истории Марокко) / Под ред. Мухаммада ал-‘Аййади. Касабланка, 1996. С. 21. Сиди Халил ал-Джунди (ум. в 1365 или 1366 г.) – видный египетский богослов и правовед-маликит.

⁴ Подробнее см.: *Ал-‘Умрани, Мухаммад*. Джами'ат ал-Каравийин фи ма байна 1914–1934. Рисала джами'ийа гайр маншура (Университет ал-Каравийин в 1914–1934 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра университета [рукопись]) / Джами'ат Мухаммад V. Куллийат ал-адаб ва-л-'улум ал-инсанийа. Рабат, 1988. С. 143–146.

⁵ *Pennell C. R. Morocco since 1830*. P. 177.

тации¹, то есть университетских преподавателей-традиционалистов. Однако в генеральной резиденции, насколько возможно судить по источникам, также не было единства в отношении будущего ведущих исламских заведений страны.

Хотя французские власти внешне отстранялись от реформирования ал-Каравийин, заявляя, что оно «не занимает их в той степени, в какой оно заботит марокканцев-мусульман»², на деле среди колониальной элиты сформировались два подхода к университету. Первый из них, разделяемый ультраколониалистами и католическими миссионерами, мы можем суммировать как непреклонный и сознательный отказ от поддержки исламского высшего образования с расчетом на то, что ал-Каравийин двинется «по пути гибели и исчезновения»³ и утратит привлекательность для марокканцев⁴. Второй подход, близкий к идеям Лиотэ, основывался на том, что преобразование ал-Каравийин важно, поскольку позволит пресечь попытки самореформирования, исходящие из профессорско-преподавательской среды⁵.

Модернизируя высшее мусульманское образование Марокко, глава администрации протектората в 1917 г. переподчинил эту сферу министерству вакфов. Также Лиотэ умножил вознаграждение фесских богословов-*улама* и стипендии студентов, привлекая их к сотрудничеству и косвенно ограничивая свободу их самовыражения⁶. Эта политика дала результаты: по свидетельству видного чиновника протектората П. Одино, под контролем генеральной резиденции студенческая корпорация ал-

¹ *Ал-Хаджи ас-Са'либи, Мухаммад ибн ал-Хасан*. Ал-Фикр ас-сами фи та'рих ал-фикх ал-ислами (Возвышенное помышление об истории исламского законоведения). Т. 1. Медина, 1976. С. 247.

² *Ал-Ваззани, Мухаммад Хасан*. Музаккарат хайя ва-л-джихад. Ат-Та'рих ас-сийаси ли-л-харака ал-ваганийя ат-тахририйя ал-магрибийя (Воспоминания о жизни и священной борьбе. Политическая история марокканского патриотического освободительного движения). Т. 1. Бейрут, 1982. С. 258.

³ Там же. С. 257.

⁴ *Ат-Тази, Абд ал-Хади*. Джамии' ал-Каравийин. Ал-Масджид ва-л-джамии'а би мадинат Фас (Соборная мечеть ал-Каравийин. Мечеть и университет в городе Фес). Т. 1. Бейрут, 1972. С. 743.

⁵ Как выражались приверженцы этого подхода, «если мы не займемся его развитием, то оно пойдет без нас и против нас» (цит. по: *Ат-Тази, Абд ал-Хади*. Джамии' ал-Каравийин, т. 1. С. 743). Также они опасались обвинений Франции в «желании уничтожить ислам» и выезда студентов на Восток, где они «соприкоснутся с подрывными идейными течениями и даже с воздействием англичан». См. *Ал-Ваззани, Мухаммад Хасан*. Музаккарат хайя ва-л-джихад, т. 1. С. 259.

⁶ *Ад-Дифали, Мухаммад ал-Ма'руф*. Ал-Каравийин ва-с-сира'ат ас-сийасийя фи Магриб ал-химайя (ал-Каравийин и политическая борьба в Марокко эпохи протектората) // Махаттаг фи та'рих ал-Магриб ал-фикри ва-д-дини (Веги интеллектуальной и духовной истории Марокко). Под ред. Мухаммада ал-'Айяди. Касабланка, 1996. С. 94–95.

Каравийин 20-х гг. утратила прежние активность и энергию¹, а реформаторские начинания Мухаммада ал-Хаджви и других сановников были нейтрализованы.

В декабре 1920 г., по свидетельству французского офицера М. Леклерка, Лиотэ подвел итоги своих начинаний в докладе министерству иностранных дел Франции. «Замысел протектората, – писал он, – это страна ... самоуправляющаяся при помощи своих собственных органов под простым контролем европейской державы, которая, замещая ее во внешнем представительстве, берет на себя управление ее армией, ее финансами, направляет ее экономическое развитие. Что преобладает в этом замысле и характеризует его – это контроль, а не прямое управление»². Однако, как полагал резидент, склонность к прямому управлению не только «категорически противоречит духу протектората», но и «таит в себе самые серьезные опасности»³.

Опасения Лиотэ подтвердились в 1925 г., когда он был заменен в качестве военного губернатора маршалом Ф. Петэнном, а в качестве гражданского администратора – Т. Стигом. Не вдаваясь здесь в причины заката авторитета Лиотэ, заметим, что Петэн был военным деятелем, чуждым интереса к Марокко. Стиг, напротив, хорошо знал Магриб и владел искусством администрации, поскольку ранее успел послужить Франции на постах губернатора Алжира и премьер-министра. Однако его жизненный опыт и мировоззрение диктовали прямо противоположный курс в отношении алауитского двора⁴. Отныне, по определению советского историка З.А. Ментешашвили, в Марокко «настал час жандармов и солдафонов»⁵. Демонстративная мягкость Лиотэ по отношению к алауитской семье, его подчеркнутое уважение к марокканскому культурному наследию и исламским традициям, гибкое и искусное маневрирование в отношениях с племенными и религиозными вождями – все это было отставлено. Курс Стига оказался очень далек от завуалированной колониальной политики прежнего «патрона» протектората.

¹ *Odinot P. Le monde marocain. P., Marseilles, 1926. P. 152.*

² Цит. по: *Leclerc M. Au Maroc avec Lyautey (mai 1921). P., 1927. P. 116.*

³ «Было бы совершенной иллюзией думать, – пояснял свою мысль Лиотэ, – что марокканцы не отдадут себе отчета в том, что они оттеснены от своих общественных дел. Они от этого страдают и об этом говорят. Отсюда остается всего один шаг к тому, чтобы завтра они стали подвержены внушениям отстаивать свои права, или же для враждебных настроений» (цит. по: *Leclerc M. Au Maroc avec Lyautey. P. 119–120*).

⁴ Еще в бытность Лиотэ генеральным резидентом Стиг всемерно противодействовал его либеральной политике в Марокко. Об этом уже отставной резидент прямо высказался в 1926 г. в речи при открытии Парижской соборной мечети. См.: *Lyautey H. Paroles d'action. P. 374.*

⁵ *Ментешашвили З. А. Социальное развитие независимого Марокко. Традиции и современность. М., 1988. С. 54.*

С первых дней пребывания в Марокко новый генеральный резидент поставил перед колониальными службами задачу сделать из Марокко «второй Алжир» и вместо того, чтобы «осуществлять контроль власти», организовать «власть контроля»¹. По сравнению с хитроумием Лиотэ новая колониальная политика оказалась весьма заурядной. Вместо того чтобы наладить более или менее равноправное сотрудничество с марокканской знатью, Стиг увеличил численность французских чиновников в махзене. Как отмечал в своих мемуарах со слов старых марокканских сановников король Хасан II, «к 1930 г. протекторат, как его задумал Лиотэ в 1920 г. – свободные обсуждения, тесное сотрудничество между марокканцами и европейцами, совместное обучение кадров, эмансипация и т. д. – в сущности, стал фикцией»².

Эти перемены решительно сказались и на отношении властей протектората к исламским образовательным учреждениям. Опубликование 16 мая 1930 г. «берберского *дахира*»³ сыграло ключевую роль в политизации университетских кругов Марокко и формировании в стенах учебных заведений салафитской⁴ и националистической оппозиции европейскому присутствию. Вполне очевидной реакцией колониальных властей стали репрессии против «молодых каравийинцев» – студентов фесских медресе, участвовавших в политических собраниях, являвшихся в соста-

¹ *Bou Mhali M.* Le makhzen ou la gestion de la violence // Maroc. Signes de l'invisible / Dirigé par J.-F. Clément P., 1990. P. 179.

² *Hassan II.* The Challenge. P. 21.

³ Навязанный властями протектората султану Мухаммаду ибн Йусуфу указ (*дахир*) регламентировал судопроизводство в берберских районах. Согласно тексту дахира, в районах с преобладанием берберского населения отправление правосудия изымалось из рук мусульманских судей (*кади*) и передавалось «судам обычного права» (*джама'ат*), действующим под контролем племенных вождей. Те, в свою очередь, подчинялись французским бюро военной разведки. Одновременно в зонах проживания берберских племен вводилось судопроизводство по французскому уголовному праву и другие элементы культурной сегрегации арабов и берберов.

⁴ Термин *салафия* (как и обозначаемые им понятия) многозначен, и единого общепризнанного подхода к нему не существует. Начиная с XIX столетия в пределах салафитского направления общественной мысли возможно выделить две существенные смысловые оппозиции: 1) между консервативным и обновленческим салафизмом, а также 2) между умеренным и экстремистским (джихадистским). Консервативное крыло салафитов исходило и исходит из желания «уберечь» ислам от современности, не допустить заимствований у не-исламских обществ, вернуть развитие общины к эпохе Пророка (VII в.) вопреки логике культурного и научно-технического развития окружающего мира. Для салафитов-консерваторов любая инновация абсолютно неприемлема как недопустимое «истинной верой» новшество (*бид'а*). Салафиты-обновленцы (*ахл салафиййат ал-ислах*), наоборот, воспринимали модернизацию как совместимую с ценностями ислама задачу и стремились к просвещению мусульман. Их «реформаторский» салафизм, характеризующийся открытостью и либерализмом суждений, всегда был многолик и имел более широкий диапазон проявлений, чем у консерваторов.

ве делегаций протеста в Генеральную резиденцию или распространявших листовки с критикой «берберской политики»¹. Как свидетельствовал в своих мемуарах видный марокканский националист Мухаммад Хасан ал-Ваззани, один из его родственников – студент Ибрахим ал-Ваззани даже подвергался пыткам в ходе следствия о его «подрывной деятельности»², а выпускник ал-Каравийин ал-Хасан Абу ‘Аййад – один из основателей марокканского национально-освободительного движения – был вынужден в 1936 г. тайно эмигрировать в Египет, где продолжал последовательную и жесткую критику «берберского дахира»³.

На протяжении 30-х гг. французские власти не раз принуждали Мухаммада ибн Йусуфа публично осуждать мусульманские университетские круги. Так, после фесской демонстрации студентов ал-Каравийин против «берберского дахира» (18 июля 1930 г.) шерифский двор издал послание, которое проповедники-хатибы оглашали в мечетях после пятничной молитвы. В нем в жестких выражениях осуждались оппозиционеры, которые превратили старинный университет в «гнездо забастовки» и «очаг смуты»⁴. А весной 1937 г. генеральный резидент О. Ногес заставил совет *алимов* ал-Каравийин и городскую палату Феса принять решение о том, что уставные порядки Марокканского блока национального действия⁵ посягнули на священный характер власти султана-халифа и на политическую этику ислама. В итоге МБНД был распущен постановлением великого вазира Мухаммада ал-Мукри, обнародованным генеральным резидентом 18 марта 1937 г.⁶ Но наиболее явные репрессии шерифского правительства против университетских салафитов-националистов развернулись в октябре 1937 г., когда французские войска впервые с 1912 г. вошли в старую часть Феса (*медину*), окружили комплекс

¹ *Ад-Дифали, Мухаммад ал-Ма'руф*. Ал-Каравийин ва-с-сира' ат ас-сийасийа. С. 106.

² *Ал-Ваззани, Мухаммад Хасан*. Музаккарат хаййа ва-л-джихад. Т. 3. С. 168–169.

³ *Абу Аййад, ал-Хаджеж ал-Хасан*. Ал-Харака ал-ватанийа ва-з-захир ал-барбари. Лаун ахар мин нашат ал-харака ал-ватанийа фи-л-харидж (Национальное движение и «берберский дахир»). Еще один оттенок деятельности национального движения за рубежом). Касабланка, 1979. С. 21.

⁴ *Ал-Джарари, Абдаллах*. Шазарат та'рихийа (Крупинки истории). Касабланка, 1976. С. 190. Далее в послании недовольные именовались «кучкой не достигших совершеннолетия юношей», стремящихся превратить мечети в «дома пристрастий и соблазна». *Ал-Джарари, Абдаллах*. Шазарат та'рихийа. С. 192.

⁵ Марокканский блок национального действия (МБНД) – первая салафитско-националистическая структура в Марокко, созданная в 1930 г. Аллалем ал-Фаси и рядом его сторонников под названием «Аз-Завийа» (Обитель). В 1932 г. «Аз-Завийа» и ее провинциальные филиалы приняли общее название МБНД. Среди «преступных» уставных порядков МБНД числились принятие его членами присяги на Коране, название «Аз-Завийа» и наименование А. ал-Фаси вождем (*аз-за'им*).

⁶ *Benhlal M. Le collège d'Azrou*. P. 345–346; *Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Nationalismes musulmans et souveraineté française*. Vol. 1–2. Tunis, 2001. Т. 1. P. 247.

мечети ал-Каравийин, дождалась окончания соборной молитвы и, выпустив правоверных на улицы, задержали 650 сторонников МБНД, пытавшихся после проповеди обратиться с воззванием к собравшимся и провести свое собрание в молитвенном зале¹. Более сотни из них был арестованы и осуждены на месяц исправительных работ, а их лидеры высланы из страны².

Ответственность за описанные выше гонения, подготовленные и проведенные французской администрацией, Мухаммад ибн Йусуф вынужденно брал на себя. Однако участие двора в осуждении и критике преподавателей ал-Каравийин отнюдь не помешало последним относиться к монархии с симпатией и сочувствием. Более того, при любой возможности двор старался содействовать интеллектуалам-оппозиционерам и защищать дело мусульманского образования в Марокко. Так, еще в феврале 1930 г. султан выступил инициатором реформы ал-Каравийин, для чего созвал комиссию под руководством великого вазира и в составе председателя апелляционного суда Ибн ал-‘Араби ал-‘Алауи, представителя великого вазира Мухаммада ал-Хаджви, а также представителя генеральной резиденции Мухаммада ал-Ма‘амури³. Комиссия выработала новый распорядок обучения и финансирования, одобренный двором и утвержденный султанскими дахирами от 1931 и 1933 г.

В пореформенном ал-Каравийин устанавливался срок обучения алима в 12 лет, распределенный на три этапа обучения, создавались два основных отделения (религиозное и литературное), в учебный план вводились естественнонаучные предметы, а традиционный порядок выдачи *иджаз*⁴ заменялся европейской экзаменационной системой. Но наиболее существенные перемены произошли в финансировании ал-Каравийин. Если в университетской системе XVII–XIX вв. *алим*-преподаватель пользовался относительной автономией, а его жалованье формировалось из средств добровольных пожертвований (*вакфов, хабусов*), подношений

¹ Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973. С. 211.

² Аллал ал-Фаси был отправлен в Габон, откуда смог вернуться только в 1946 г., но в 1947 г. снова покинул Марокко, укрывшись от французских властей в Каире, и окончательно поселился на родине после достижения независимости. Мухаммад Хасан ал-Ваззани был принудительно поселен в стойбище Итзер (Западная Сахара), где отбывал ссылку до 1946 г. См. Ланда Р.Г. Марокко: сопротивление режиму протектората // История Востока: В 6 т. / Под ред. Р.Б. Рыбакова, Л.Б. Алаева, В.Я. Белокреницкого и др. Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М., 2006. С. 239; Belouchi B. Portraits d’hommes politiques du Maroc. Casablanca, 2002, p. 31–38; Brouksi L. Makhzénité et modernité. Révolution tranquille d’un Roi. 2-ème éd. Rabat, 2002. P. 131.

³ Hassan II. The Challenge. P. 20.

⁴ *Иджаза* – письменное разрешение ученику от наставника самому преподавать изученные дисциплины; своеобразный аналог диплома об образовании в средневековой арабо-мусульманской традиции передачи знания.

(*хадаи*) и подарков (*сил'ат*), то с 1931 г. профессоры и преподаватели ал-Каравийин начали получать от государства ежемесячную и ранжированную заработную плату¹.

Как только предложения комиссии обрели юридическую силу, в алимовских кругах Феса и других городов возникло брожение. Если салафитски настроенные студенты безоговорочно выступили за реорганизацию, то видные преподаватели-традиционалисты 1930-х гг. (Ахмад ибн ал-Хаййат, Ахмад ибн ал-Джилали, ал-Фатими аш-Шарарди и Абд ал-Хайй ал-Каттани) отнеслись к реформе настороженно. Одни из них квалифицировали перемены как «недозволенное нововведение» (*бид'а'*)². Другие отвергали вмешательство султанской администрации (*махзена*) и протестовали против проведения реформы образования силами чиновников³. Третьи обращали внимание на то, что реформы в университете вызвали понимание у французских властей, и требовали от двора оправданий «колониальной затее»⁴.

Наконец, как это часто случается в арабском мире, реформаторское начинание султана приобрело личностное измерение. В 1931 г. Мухаммад ибн Йусуф отстранил от должности двух противников реформы – председателя Ученого совета ал-Каравийин Абдаллаха ал-Фадили и главного инспектора университета ал-'Араби ал-Хариши. Вместо них были назначены губернатор Марракеша Мулай Мубарак ал-'Алауи и его заместитель ал-Хаджж Ахмад Абу Ситта (Бусетта). Это решение вызвало в 1931–1933 гг. осуждение со стороны как алимов, так и студентов. Оно задело университетскую автономию и пробудило местнические чувства фесцев⁵. В итоге султану удалось избежать столкновений в уни-

¹ *Ал-'Аййади, Мухаммад*. Даур джами' ал-Каравийин. С. 23. Централизация финансирования религиозных учреждений была продолжена Мухаммадом ибн Йусуфом в дахире 1948 г. Этот указ упорядочивал деятельность культовых зданий и объявлял все марокканские мечети, обители-*завийи* и святилища *мурабитов* хабусным имуществом под управлением султанского министерства хабусов.

² *Ад-Дифали, Мухаммад ал-Ма'руф*. Ал-Каравийин ва-с-сира' ат ас-сийасийа. С. 108.

³ *Ал-'Аййади, Мухаммад*. Даур джами' ал-Каравийин. С. 22.

⁴ Свет на интересы Генеральной резиденции к султанским реформам проливает труд П. Марти «Марокко завтрашнего дня». В нем этот колониальный деятель пояснял, что реформа сулила сосредоточение научных кадров в Фесе и преодоление традиционного для Марокко полицентризма ученой традиции, усложнявшего надзор за исламскими деятелями. К тому же превращение ал-Каравийин в ведущий научный центр отвратило бы алимов от поездок на Восток и знакомства с враждебными Франции идеями. *Marty P. Le Maroc de demain*. P., 1925. P. 66.

⁵ Насильственно внедренное руководство ал-Каравийин было связано с пашой Марракеша Тихами ал-Глави, настроенным про-французски. Поэтому фесские преподаватели-традиционалисты не без оснований полагали, что за переменами в ал-Каравийин стоит сам ал-Глави, а их целью является смягчение оппозиционного духа в университете руками марракешских «дрессировщиков». – *Ад-Дифали, Мухаммад ал-Ма'руф*. Ал-Каравийин ва-с-

верситете только за счет создания поста ректора университета (*мудир ал-джамии 'а*). Он был предоставлен компромиссной фигуре – Мухаммаду ал-Фаси. Этот салафит, выходец из старинного фесского рода и родственник Аллала ал-Фаси, разделял стремление султана к модернизации университета, что привлекло на сторону двора и салафитов-националистов также и фесские студенческие ассоциации. В то же время Мухаммад ал-Фаси как богослов старой школы был авторитетен среди уламаченников – поклонников марокканской самобытности и вековых традиций.

Разнообразные коллизии между колониальными властями, алимами-салафитами и шерифским двором разворачивались в 1930-х гг. и на почве реформирования школьного образования. Развитие марокканской школы не случайно превратилось в стратегическое направление сотрудничества алауитского трона и салафитской оппозиции. Интерес Мухаммада ибн Йусуфа к этой сфере был связан с воспитанием его собственных детей. Старший сын султана Мулай Хасан¹ родился в 1929 г. и получил классическое мусульманское образование в пределах дворца². В 1939 г. Мулай Хасан был отправлен в элитарный коллеж Рош во Франции, но начало мировой войны заставило принца вернуться в Марокко и с 1942 г. продолжить учебу в Шерифском коллеже под руководством профессора М. Дюваля. В классе ему составляли компанию 12 детей из шерифских и махзенских семейств. Завершив бакалавриат в 1947 г., Мулай Хасан поступил на факультет права в университет Бордо, в котором получил степень лиценциата (1951), а окончил занятия со степенью доктора права (1952)³. Сходный путь прошли его брат Мулай Абдаллах (род. в 1935 г.) и сестры, образованием которых занимался видный алим-реформатор Мухаммад ибн ал-Араби ал-'Алауи.

Намерения султана противостоять политике Франции в сфере образования хорошо прослеживаются на примере усилий двора и властей протектората по организации школьного дела в 1930–1950-х гг. После издания «берберского дахира» Генеральная резиденция перестала открывать новые школы для детей марокканской знати: последняя из них начала свою деятельность в 1929 г. Единственным же в Марокко средним учебным заведением, которое было основано после 1930 г., стал му-

сира'ат ас-сийасийа. С. 108.

¹ Будущий король Хасан II (1961–1999).

² «Я изучил исламское вероучение, – вспоминал Хасан II, – еще до того, как моему наставнику Си Мухаммаду ал-Акасби было препоручено мое воспитание. Я рассказывал ему – часто в присутствии моего отца – аййаты Корана». – *Hassan II. The Challenge*. P. 22.

³ *Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche*. Т. 1. P. 74.

сульманский коллеж «Сиди Мухаммад» в Марракеше, открытый в 1937 г.¹. Среднее образование в 1937 г. по всей стране давали всего 37 городских и 44 сельских школы². Также под эгидой протектората функционировало 19 школ для девочек, которые сосредоточивались лишь на привитии навыков ведения домашнего хозяйства³. Более того, как отмечал Хасан II, только начиная с 1933 г. марокканцы смогли сдать экзамены на степень бакалавра в собственной стране⁴. К тому же школьная политика французских властей после 1930 г. носила более отчетливый антиисламский характер, чем в первые десятилетия протектората. В районах проживания берберских племен на протяжении 1930–1940-х гг. закрывались коранические школы, ограничивалась свобода обучения в мечетях, а в племенах развернули свою деятельность католические миссионеры⁵. В созданных колонизаторами франко-берберских школах (особенно в крупнейшей из них – Берберском коллеже в г. Азру) изучение арабского языка с начала 30-х гг. находилось под фактическим запретом⁶.

Перед лицом подобного курса французской администрации Мухаммад ибн Йусуф всемерно поддерживал деятельность «свободных школ» (*ал-мадарис ал-хурра*), основанных салафитами в 20-х гг. с целью ограничить внедрение чуждого марокканцам образа жизни и ослабить угрозу культурной ассимиляции⁷. Само название этих школ указывало на возможность получать традиционное исламское образование вне французского контроля. Однако эти школы отличались от обычных коранических учебных заведений. Их учебные планы, модернизированные алимами-реформаторами, предусматривали как религиозные, так и научные дисциплины. Наряду с Кораном, хадисами, основами исламской этики (*ах-лак*) и историей исламской общины в них преподавалась география, ма-

¹ *Hassan II. The Challenge*, p. 26; *Pennell C.R. Morocco since 1830*. P. 228.

² *Halstead J.P. Rebirth of a Nation*. P. 106.

³ Как удалось подсчитать по колониальной статистике российскому экономисту В.А. Мельянцеву, в конце 40-х годов не более 6–7% марокканских детей соответствующего возраста обучались в начальной школе. *Мельянцева В.А. Экономический рост стран Магриба*. М., 1984. С. 167. Наши подсчеты по данным, приводимым Хасаном II в его автобиографическом сочинении «Вызов» (*Hassan II. The Challenge*. P. 20, 34, 100) дают сходные результаты: если принять численность марокканских детей школьного возраста за 1,6–2 млн, то, по самым оптимистичным оценкам, образование всех уровней едва ли получали 7–8% марокканцев.

⁴ *Hassan II. The Challenge*. P. 26.

⁵ *Луцкая Н. С. Очерки*. С. 201; *Ментешавили З.А. Социальное развитие*. С. 61.

⁶ *Hassan II. The Challenge*, p. 26; *Benhlal M. Le collège d'Azrou*. P. 159.

⁷ *Damis J. Early Moroccan Reactions to the French Protectorate: the Cultural Dimension // Humaniora Islamica. An Annual Publication of Islamic Studies and the Humanities / Ed. by H.W. Mason, R.L. Nettle, J. Waardenburg. Vol. 1. The Hague, P., 1974. P. 30.*

тематика и даже основы естественных наук¹.

Начинание алимов-реформаторов повсеместно пользовалось успехом у населения. По сведениям колониального чиновника П. Марти, в 1920-х гг. эти школы посещали в Рабате не менее четверти, а в Фесе – не менее $\frac{1}{5}$ детей школьного возраста, и наполняемость классов была высокой, за исключением «свободных школ» Касабланки². В целом же к 1930 г. в Марокко было создано более 30 «свободных школ», причем 26 из них были открыты в 1921–1925 гг. Общее число учащихся, зачисленных в «свободные школы» в середине 1920-х гг., достигало 1,5–2 тыс. Этот показатель отнюдь не представляется малым, если учесть, что число детей-мусульман, посещавших школы протектората, в это время не превышало 6 тыс.³ Хотя программы «свободных школ» нельзя назвать салафитскими или националистическими, их воздействие на общественное сознание было таковым. Не будет преувеличением утверждать, что преподаватели и студенты ал-Каравийин готовили кадры для городских антиевропейских движений 30-х гг.⁴ Во всяком случае, ветеран освободительной борьбы Мухаммад ибн Хашим ал-‘Алауи в своих воспоминаниях отмечал, что благодаря нравственным установкам алимов «свободные школы» стали «местами для собраний ячеек структуры, о которой не объявлялось вслух, и казармами для воспитания поколений борьбы»⁵.

С тем, чтобы придать неформальному движению «свободных школ» должный авторитет, султан самолично открыл в 1942 г. две коранические школы с обновленной программой в Фесе и Касабланке, а также создал Шерифский коллеж в Рабате, открывший свои двери 20 января 1942 г.⁶ Кроме того, Мухаммад ибн Йусуф в 1945 г. основал в Рабате школу для дочерей знати⁷, занялся продвижением «свободных школ» для девочек и

¹ *Brown K.L.* People of Salé: Tradition and Change in a Moroccan City, 1830–1930. Manchester, 1976. P. 82; *Halstead J.P.* Rebirth of a Nation. P. 278–280; *Munson H., Jr.* Religion and Power in Morocco. New Haven (Conn.); L., 1993. P. 102–103.

² Цит. по: *Benhlal M.* Le collège d’Azrou. P. 86.

³ *Damis J.* Early Moroccan Reactions. P. 16.

⁴ Историки Магриба нередко видели в «свободных школах» порождение салафитии (см.: *Halstead J.P.* Rebirth of a Nation. P. 161–165). На современном уровне знаний этот тезис можно поставить под сомнение. Некоторые из основателей «свободных школ» были салафитами, другие же отдавали дань исламско-патриотическому воспитанию, но делали акцент на современных знаниях и навыках.

⁵ *Ал-‘Алауи, Мухаммад ибн Хашим.* Мин вира’ ас-судуд, ау ал-харакат ал-ватаний би Фас санат 1937 ва санат 1944 (Из-за преград, или национальное движение в Фесе в 1937–1944 гг.). Изд. 2-е. Каир, 1980. С. 54.

⁶ *Hassan II.* The Challenge, p. 26; *Benhlal M.* Le collège d’Azrou. P. 89.

⁷ *Pennell C.R.* Morocco since 1830, p. 274. В 1945 г. всего 12 девочек-мусульманок поступили в школу в Рабате, но на следующий год в средних школах Марокко их обучалось уже

сделал крупные дарения книг общественным библиотекам. В результате численность учеников «свободных школ» в 1955 г. составляла 23 тыс., а в 1956 г. – уже 38 тыс. человек, при том что среднее образование на арабском языке давали еще и государственные учебные заведения¹.

Организация, структура и программирование обучения как школьных, так и высших учебных заведений с первых лет протектората оказались ареной напряженной борьбы за ценности и мироощущение следующих поколений марокканцев. Здесь ярко проявилась разница подходов к образованию, исповедуемых султанской администрацией и колониальными кругами. Султанский двор был вынужден мириться с неформальным господством Франции, в силу чего стремился к укреплению традиционных основ монархии и воспитанию марокканской молодежи в патриотическом духе. Генеральная резиденция старалась взять под контроль традиционную исламскую ученость, провести политику сегрегации берберского образования, а также создать в Марокко прослойку европеизированной и лояльной Парижу элиты. В итоге в многолетней позиционной борьбе против колониальных властей Мухаммаду ибн Йусуфу удалось сохранить образовательные традиции и культуру передачи знаний, сложившиеся в Марокко до протектората. Это обстоятельство, в свою очередь, позволило марокканскому государю сфокусировать на себе религиозно-политический заряд оппозиции французскому присутствию, придать монархии дополнительную легитимность и сделать союз двора и салафитски настроенных служителей ислама неотъемлемой частью национально-освободительного движения.

Список литературы

Видясова М.Ф., Орлов В.В. Политический ислам в странах Северной Африки. История и современное состояние. М., 2008. [Politicheskij islam v stranah Severnoj Afriki. Istorija i sovremennoe sostojanie. М., 2008].

Ланда Р.Г. Марокко: сопротивление режиму протектората // История Востока: В 6 т. / Под ред. Р.Б. Рыбакова, Л.Б. Алаева, В.Я. Белокреницкого и др. Т. 5. Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М., 2006. [Marokko: soprotivlenie rejimu protektorata // Istorija Vostoka: v 6 t. / Pod. red. R.B. Rybakova, L.B. Alajeva, V.Ja. Belokrenickogo i dr. T. 5. Vostok v novejshee vremja (1914–1945 gg.). М., 2006].

193, а в 1947 г. – 7 тыс. В 1949 г. первая марокканка получила диплом бакалавра. *Daoud Z. Féminisme et politique au Maghreb. Casablanca, 1993. P. 246.*

¹ В 1952 г. в Марокко действовало 14 государственных школ с 866 учениками, а всего к 1950 г. на арабском языке обучалось 150 тыс. детей. «Мой отец, – писал Хасан II, – желал, чтобы их было хотя бы в два раза больше, но средств не хватало, а его пожеланиям постоянно мешали те, кто нами правил». *Hassan II. The Challenge. P. 20–21.*

Луцкая Н.С. Очерки новейшей истории Марокко. М., 1973. [Oчерki novejshej istorii Marokko. М., 1973].

Максименко В.И. Интеллигенция в странах Магриба (идеи и тенденции). М., 1980. [Intelligencija v stranah Magriba (idei i tendencii). М., 1980].

Мельянцеv В.А. Экономический рост стран Магриба. М., 1984. [Eкономичесkij rost stran Magriba. М., 1984].

Ментешашвили З.А. Социальное развитие независимого Марокко. Традиции и современность. М., 1988. [Social'noe razvitie nezavisimogo Marokko. Tradicii i sovremennost'. М., 1988].

Сапронова М.А. Этнический фактор в странах Магриба (Марокко, Тунис, Алжир) // Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные / Под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2008. [Etnичесkij faktor v stranah Magriba (Marokko, Tunis, Aljir) // Konflikty na Vostoke: etniceskie i konfessional'nye / Pod red. A.D. Voskresenskogo. М., 2008].

Belouchi B. Portraits d'hommes politiques du Maroc. Casablanca, 2002.

Benhlal M. Le collège d'Azrou. La formation d'une élite berbère civile et militaire au Maroc. P., 2005.

Bou Mhalli M. Le makhzen ou la gestion de la violence // Maroc. Signes de l'invisible / Sous dir. J.-F. Clément P., 1990.

Brouksi L. Makhzénité et modernité. Révolution tranquille d'un Roi. 2-ème éd. Rabat, 2002.

Brown K.L. People of Salé: Tradition and Change in a Moroccan City, 1830–1930. Manchester, 1976.

Catroux G. Lyautey le Marocain. P., 1952.

Damis J. Early Moroccan Reactions to the French Protectorate: the Cultural Dimension // Humaniora Islamica. An Annual Publication of Islamic Studies and the Humanities / Ed. by H.W. Mason, R.L. Nettler, J. Waardenburg. Vol. 1. The Hague, P., 1974.

Daoud Z. Féminisme et politique au Maghreb. Casablanca, 1993.

Eickelman D.F. Knowledge and Power in Morocco. Princeton, 1985.

Halstead J.P. Rebirth of a Nation: the Origins and Rise of Moroccan Nationalism, 1912–1944. Cambridge (Mass.), 1967.

Hassan II. The Challenge. The Memoirs of King Hassan II of Morocco / Transl. A. Rhodes. L., 1978.

Julien Ch.-A. L'Afrique du Nord en marche. Nationalismes musulmans et souveraineté française. Vol. 1–2. Tunis, 2001.

Leclerc M. Au Maroc avec Lyautey (mai 1921). P., 1927.

Lyautey H. Paroles d'action. Madagascar, Sud-Oranais, Oran, Maroc (1900–1926). Pref. de L. Barthou. 2e éd. P., 1938.

Marty P. Le Maroc de demain. P., 1925.

- Maurois A. Lyautey. P., 1931.*
- Munson H., Jr. Religion and Power in Morocco. New Haven (Conn.). L., 1993.*
- Odinot P. Le monde marocain. P., Marseilles, 1926.*
- Pennell C.R. Morocco since 1830. A History. L., 2000.*
- Rivet D. Ecole et colonisation au Maroc: la politique de Lyautey au début des années 20 // Cahiers d'histoire. P., 1976. № 1–2.*
- Rivet D. Lyautey et l'institution du Protectorat français au Maroc (1912–1926). Vol. 1–3. P., 1988.*
- Le Tourneau R. Evolution politique de l'Afrique du Nord musulmane, 1920–1961. P., 1962.*
- Venier P. Lyautey et l'idée de protectorat de 1894 à 1902: genèse d'une doctrine coloniale // Revue française d'histoire d'Outre-Mer. P., 1991. Vol. 78. № 293.*
- Абу Аййад, ал-Хаджж ал-Хасан. Ал-Харака ал-ватанийя ва-з-захир ал-барбари. Лаун ахар мин нашат ал-харака ал-ватанийя фи-л-харидж (Национальное движение и «берберский дахир». Еще один оттенок деятельности национального движения за рубежом). Касабланка, 1979. [Nacional'noe dvijenie i "berberskij dahir". Esche odin ottenok dejatel'nosti nacional'nogo dvijenija za rubejom. Kasablanka, 1979].*
- Ал-'Аййади, Мухаммад. Даур джами' ал-Каравийин фи таквин аш-шахсийя ас-сакафийя ал-магрибийя ат-таклидийя (Роль университета ал-Каравийин в складывании традиционного марокканского культурного самоотождествления) [Rol' universiteta al-Karavijin v skladyvanii tradicionnogo marokkansko kul'turnogo samootojdestvlenija] // Махаттат фи та'рих ал-Магриб ал-фикри ва-д-дини (Вехи интеллектуальной и духовной истории Марокко) / Под ред. Мухаммада ал-'Аййади. Касабланка, 1996. [Vehi intellektual'noj i duhovnoj istorii Marokko / Pod red. Muhammada al-Ayyadi. Kasablanka, 1996].*
- Ал-'Алауи, Мухаммад ибн Хашим. Мин вира' ас-судуд, ау ал-харака ал-ватанийя би Фас санат 1937 ва санат 1944 (Из-за преград, или Национальное движение в Фесе в 1937–1944 гг.). Изд. 2-е. Каир, 1980. [Iz-za pregrad, ili Nacional'noje dvijenie v Fese v 1937–1944 gg. Izd. 2-e. Kajir, 1980].*
- Ал-Ваззани, Мухаммад Хасан. Музаккарат хаййа ва-л-джихад. Ат-Та'рих ас-сийаси ли-л-харака ал-ватанийя ат-тахририйя ал-магрибийя (Воспоминания о жизни и священной борьбе. Политическая история марокканского патриотического освободительного движения). Т. 1–4. Бейрут, 1982. [Vospominanija o jizni i svjaschennoj bor'be. Politicheskaja istorija marokkansko patrioticheskogo osvoboditel'nogo dvijenija. T. 1–4. Bejrut, 1982].*
- Ал-Джарари, Абдаллах. Шазарат та'рихийя (Крупинки истории). Касабланка, 1976. [Krupinki istoriji. Kasablanka, 1976].*
- Ад-Дифали, Мухаммад ал-Ма'руф. Ал-Каравийин ва-с-сира'ат ас-сийасийя фи Магриб ал-химайя (ал-Каравийин и политическая борьба в Марокко эпохи протектората) [Al-Karavijin i politicheskaja bor'ba v Marokko epochi protektorata] //*

Махаттат фи та'рих ал-Магриб ал-фикри ва-д-дини (Веги интеллектуальной и духовной истории Марокко) / Под ред. Мухаммада ал-'Аййади. Касабланка, 1996. [Vehi intelektual'noj i duhovnoj istorii Marokko / Pod red. Muhammada al-Ayyadi. Kasablanka, 1996].

Ат-Тази, Абд ал-Хади. Джами' ал-Каравийин. Ал-Масджид ва-л-джами'а би мадинат Фас (Соборная мечеть ал-Каравийин. Мечеть и университет в городе Фес). Т. 1–3. Бейрут, 1972. [Sobornaja mechet' al-Karavijin. Mechet' i universitet v gorode Fes. Т. 1–3. Bejrut, 1972].

Ал-'Умрани, Мухаммад. Джами'ат ал-Каравийин фи ма байна 1914–1934. Ри-сала джами'ийа гайр маншура (Университет ал-Каравийин в 1914–1934 гг. Дисс. на соиск. уч. ст. д-ра университета [рукопись]) [Universitet al-Karavijin v 1914–1934 gg. Diss. na soisk. uch. st. d-ra universiteta (rukopis')] / Джами'ат Мухаммад V. Куллийат ал-адаб ва-л-'улум ал-инсанийа. Рабат, 1988.

Ал-Хаджеви ас-Са'либи, Мухаммад ибн ал-Хасан. Ал-Фикр ас-сами фи та'рих ал-фикх ал-ислами (Возвышенное помышление об истории исламского законо-ведения). Т. 1–2. Медина, 1976. [Vozvyshennoje pomyshlenie ob istorii islamskogo zakonovedenija. Т. 1–2. Medina, 1976].